

18+

Галина Долгая

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ
ЭТЮДЫ

Галина Долгая

Переделкинские этюды

<https://litres.ru/74152492>

ISBN 9785007015226

Аннотация

Дом творчества Переделкино — особое место, созданное для работы писателей, художников, исследователей. Побывав в Доме творчества в качестве резидента, автор делится своими впечатлениями, по ходу повествования рассуждая о литературе и литераторах, о жизни и смерти, о вдохновении.

Содержание

Сосны, дачи, родник	6
«Пеналы» для резидентов	17
Бильярд	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Переделкинские этюды

**Галина
Альбертовна Долгая**

© Галина Альбертовна Долгая, 2026

ISBN 978-5-0070-1522-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прошло немало времени с того дня, когда я приехала в Дом творчества Переделкино. Но до сих пор это удивительное место не оставляет меня. Что бы я ни делала, неожиданно вдруг в памяти всплывают картины, навсегда запечатленные в особом хранилище, куда дверь открывается как в тайную комнату библиотеки Переделкино — легко, одним лишь прикосновением к заветной книге с бабочкой на корешке — и... дверь распахнута, а за ней парк с мудрыми, величественными соснами; словно случайно забытыми гамаками между ними; бывшими дачами — воздушными в своей уникальной архитектуре, отдаленно напоминающими домики, сложенные ребенком из кубиков; с сияющим светом фасадом стеклянного корпуса; и люди, мои товарищи по резиденции: писатели, поэты, режиссеры, сценаристы, актеры, художники — молодые, горящие творчеством, такие же воодушевленные счастьем быть там, как и я.

Сосны, дачи, родник

У меня, жителя азиатский гор и степей, где взгляд свободно скользит до горизонта и мало какие деревья мешают созерцанию, сосновый лес русских равнин вызывает трепет от ожидания волшебства, как в русских народных сказках. Входишь в лес и кажется, будто мощь старых деревьев, подпирающих ветвями небо, защищает от всего на свете. «... Бессмертные на время, мы к лику сосен причтены и от болезней, эпидемий и смерти освобождены» — видимо, у Бориса Пастернака тоже возникали похожие чувства, которые он выразил такими строками. Дом творчества Переделкино делает нас, пребывающих в нем день, два, десять, двадцать, «бессмертными» на отпущенный срок.

Прогулка в парке несколько раз в день — это обязательный ритуал. Каждый выбирает свой маршрут. Несмотря на, казалось бы, не такую уж большую территорию парка, сначала в нем можно заплутать. Дорожки проложены между старыми домами — каждый со своей историей; прудом и Архилесом, местом для костра, огороженном полукругом из бревен тех сосен, которым посвящен Архилес, и беседками; уводят в потаенные места за гостиницей или Историческим корпусом. В парке тишина. Сосны гасят все посторонние звуки. Даже шум с автотрассы, пробегающей мимо Дома творчества по улице Погодина, невероятным образом остается

за полупрозрачной оградой. Гуляя, размышляешь о творчестве, обдумываешь идеи и сюжетные повороты, анализируешь новую информацию, но дух предшественников — тех, кто на протяжении более девяноста лет (!) жил и творил среди этих сосен, сопровождает тебя, где бы ты не ходил.

Ощущение чьего-то присутствия рядом у меня особенно проявилось после рассказов экскурсовода Ксении о Переделкине и его обитателях. Такие имена!.. Раньше я читала их стихи и романы, не задумываясь о личностях. Все они были для меня великими, непостижимыми, стоящими на пьедесталах. Но именно здесь, в Переделкине, где старые дощатые дома хранят память о каждом своем госте, прожил он там неделю-другую или несколько лет кряду, я впервые взглянула на них как на обычных людей. Нет, они остались для меня такими же великими, но за этим величием открылась жизнь как она есть, со всеми драмами и комедиями. Словно они, отпозировав фотографу, спустились с пьедесталов, улыбнулись мне и пошли по своим делам — писать, беседовать или гулять в парке. Корней Чуковский, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Арсений Тарковский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Булат Окуджава, Геннадий Шпаликов...

Каждый день из окна своего номера я видела дом Льва Кассиля. Я видела, как в нем зажигаются окна и представляла Льва Абрамовича с сосредоточенным выражением ли-

да в тот момент, когда он перечитывает написанное много лет назад очередное приключение своих героев в повести «Кондуит и Швамбрания», делает пометки в старой рукописи или берет чистый лист и пишет заново. В этом же доме в 1941 году двадцати шестилетний Константин Симонов написал «Жди меня».

Рядом, на той же стороне улицы Серафимовича, дома Валентина Катаева, Корнея Чуковского. Дальше вглубь еще дачи, среди них первая дача Бориса Пастернака.

Климат этой части писательского городка показался мне слишком сырым. В конце ноября в этом месте солнце редко заглядывает за ветви старых сосен, но, как говорят, и летними днями оно скупо освещает землю под ними, отчего кроме сосен разве что заросли малины и хилый подлесок радуют глаз зеленью. Рассказывают, что жена Пастернака Зинаида Николаевна сетовала на то, что у них розы не цветут. Да и огромный дом Пастернакам не нравился, и они перебрались на дачу на улице Павленко. На более открытом участке вокруг дома цвели не только розы. Борис Леонидович устроил там огород, сажал картошку. Картошку выращивали и колхозники на «неясной поляне», через дорогу от его дома. За полем виднелись луковки Спасо-Преображенской церкви. Сейчас не виднеются, хотя церковь стоит: неясную поляну отобрали нувориши девяностых. Только самый ее краешек, угол на пересечении улиц Погодина и Павленко, удалось сохранить. Теперь там Сквер Бориса Пастернака.

Несмотря на отвлекающий от созерцания шум проезжающих машин по улице Погодина, там уютно. Извилистые дорожки, «пюпитры» со стихами Пастернака, скамейка с его дачи и рядом фото Бориса Леонидовича, сидящего на этой скамейке; деревья, кусты и декабрьские маргаритки среди пожухлой травы как отзвук летнего буйства трав.

На «пюпитрах» строки, в которых Пастернак упоминает какие-либо растения. Около березы у самого входа в сквер:

Пред ним стоит на перекрестке,
Который полузанесло,
Береза со звездой в прическе,
И смотрится в его стекло.

Дальше у липы:

Липы обруч золотой
Как венец на новобрачной,
Лик березы под фатой
Подвенечной и прозрачной.

Липа, береза, ветла, сирень, рябина, сосны в стихотворениях «Трава и камни», «Сосны», «Зазимки», «После грозы». И о ландышах:

Ты уже предупрежден.

Вас кто-то наблюдает снизу:
Сырой овраг сухим дождем
Росистых ландышей унизан, — в «Ландыши».

А дальше за дачами Бориса Пастернака, Александра Афиногенова, Всеволода Иванова родник. Об этом роднике я знала раньше. Незабвенный Раим Фархади — узбекский детский писатель, поэт, публицист, переводчик, в 2021—2024 гг. бывший председателем Совета по русской литературе Союза писателей Узбекистана — как-то поделился моментами пребывания в Переделкине и встречей у родника с Евгением Евтушенко. Они беседовали о поэзии и тот эпизод остался приятным воспоминанием Раима Хакимовича. Я запомнила его рассказ и, чудесным образом оказавшись в Переделкине, не могла не посетить памятное место.

Возможно, именно этот родник описал Валентин Катаев в повести «Святой колодец» (возможно, и не этот, а другой; родников в окрестностях Дома творчества несколько): «Мы сидели под старым деревом на простой, некрашеной, серой от времени скамье где-то позади нашей станции, рядом со Святым колодцем, откуда по железной трубке текла слабая, перекрученная струйка родниковой воды, сбегая потом в очень маленький круглый пруд, на четверть заросший осокой, изысканной, как большинство болотных растений».

Тропинка к роднику начинается в тупике улицы Павленко и почти сразу спускается к реке Самаринка. Я оказалась там

в последние минуты вечерней зари, когда солнце уже давно скатилось за горизонт, но его прощальный свет еще играл на небе сиренево-розовым плащом с черно-белыми росчерками голых крон деревьев на нем.

Белый крест с треугольной «крышей» над навершием явно проступал в сумерках у деревянной лестницы, ведущей к роднику, и ниже — к берегу Самаринки. Восторг от ощущения торжественности момента волновал. Я спустилась к роднику. Как и описал Валентин Петрович «по железной трубке текла слабая струйка родниковой воды». Трубка вмонтирована в булыжную кладку, местами покрытую зеленым мхом. Вода с легким шумом падает в углубление, дно которого выстлано песком. Часть этой чаши занимают две бетонные плитки и решетка, видимо, для удобства подхода к роднику. Над трубкой уложили пару досок, одна из которых, прямо над ней, обернута бело-голубой клеенкой. Это обрамление, как и плитки с решеткой, портят общий вид и дают восторг. Но, взглянув ниже, на змейку реки, еще отражающую закатный свет, я переключилась на красивый пейзаж и получила то чувство вдохновения, которое дарит природа своими незатейливыми картинками, которые остаются в памяти навсегда: плавные изгибы неширокого русла; вода, мягко журчащая меж покатых берегов, прикрытых остатками некогда буйных трав; блаженная тишина в округе.

Истории, истории... в большинстве своем печальные, от-

чего промозглость соснового леса пробирает до глубины души, грусть соперничает со светлыми думами о творчестве.

Борис Пастернак умер на своей писательской даче. Там до сих пор на своем месте стоит та кровать, на которой он лежал уже бездыханный. А в двадцати минутах от дома — погост, где он нашел вечное пристанище.

Сосны Переделкина были свидетелями ухода из жизни и других писателей. Александр Фадеев застрелился на своей даче. Геннадий Шпаликов повесился на втором этаже Первой дачи, которая ныне украшает Дом творчества, как образец оригинальной переделкинской архитектуры. Не уйти от этих печальных фактов, как ни старайся сосредоточиться на радостном. Невольно возникает вопрос: «Зачем?» Что толкает людей к самоубийству? Кто-то цепляется за жизнь из последних сил, а кто-то поднимает револьвер и целится в свою голову. Возможно, в момент совершения рокового поступка разум человека затуманен настолько, что ни зги не видно в перспективе, а тяжелые думы вытесняют все светлое, что может удержать в жизни. И никого рядом. Одно доброе слово может изменить жизнь, вырвать ее из лап смерти. Это я так думаю. Но невозможно узнать, о чем думает человек в те мгновения еще жизни, когда решает ее оборвать. Только он сам мог бы рассказать, почему он покончил с жизнью, если бы мог говорить после смерти. Мы же только собираем по крохам какие-то воспоминания, анализируем, ищем намеки в стихах и прозе, и, найдя что-то, делаем выводы.

За полгода до смерти Шпаликов написал такие строки:

Я верю в то, что жизни прелесть

Преобладает надо всем.

Мне жизнь пока что не приелась,

Я от нее не окосел.¹

А в студенческие годы — на восемнадцать лет ранее даты ухода! — он написал сценарий «Человек умер», в котором в качестве сообщения на доске объявлений описывает свою смерть: «Деканат сценарного факультета с грустью сообщает, что на днях добровольно ушёл из жизни Шпаликов Геннадий. Его тело лежит в Большом просмотровом зале. Вход строго по студенческим билетам. Доступ в 6 часов. Вынос тела — в 7. После выноса будет просмотр нового художественного фильма». И далее: «Возле доски объявлений — несколько человек. Они что-то жуют. Голоса совсем спокойные.

— Как это его угораздило?

— Говорят, повесился.

— Повесился?

— Ага, в уборной.

— Не кинематографично. Лучше бы с моста или под поезд. Представляешь, какие ракурсы?!» — иронично рассуж-

¹ Стихотворение Г. Шпаликова и студенческий сценарий приведены в книге «Я жил как жил», Москва, издательский дом «Подкова», 1998 г.

дают товарищи-студенты.

«Лучше бы» не случилось, а случилось именно так, как Шпаликов и написал. Только не в уборной общежития, а в комнате на втором этаже Первой дачи. Хотя... почти общежитие. Предвидел?..

Как добрый и оптимистичный посыл ко всей писательской братии Переделкина звучат строки из стихотворения Евгения Евтушенко:

О, юноши, не надо рано вешаться,
а надо сил побольше запasti
и пережить врагов — достойно, вежливо —
и, чтоб не скучно, новых завести.
И надлежит быть сильным, обязательным,
быть на сверхсрочной службе надлежит.
Всем людям, а особенно писателям
в двадцатом веке надо долго жить.

Но не все так грустно в Доме творчества! Приятно-радостные чувства остаются после посещения книжного магазинчика «Дом писателей», расположенного тоже в одной из старых дач. В пасмурные дни ноября аккуратный двухэтажный домик радуется нежным голубым цветом, словно клочок неба, вдруг проявившийся в прорехе плотного покрывала облаков. Освещенные веранды, окна которых заставлены книгам, манят к себе — не пойти туда невозможно. Крылечко, прихож-

ка — в ней и начинаются книги! — лестница наверх, полки с книгами на стенах, овальное зеркало. Уют в комнатах-книжных залах создают простые предметы мебели: письменный стол с пишущей машинкой и настольной лампой, журнальный столик с креслами, диван, желтый абажур над круглым столом и книги, книги... На столе в рамочках, словно фото домочадцев, изречения Льва Рубинштейна из текстов его «карточек». Одно из них под номером «25» около пишущей машинки: «Вчера на прогулке мне встретился старый графоман и известный стукач В., живущий здесь ровно надо мной. Разминуться не удалось. Подойдя ко мне вплотную, он своим вкрадчивым иезуитским голосом сказал, что он третью ночь не может заснуть из-за того, что я чуть ли не до утра „стучу на машинке“, причем стучу ужасно громко. Я не стал ему говорить, что лучше уж стучать на машинке, чем как-нибудь ещё. Ну его! Я торопливо извинился и сказал, что постараюсь „стучать“ чуть тише и не так поздно».

В книжном много книг Чуковского, Пастернака или посвященных им, много интересных книг в общем, как новых, изданных недавно, так и раритетных, уже ставших букинистической редкостью. Книги всюду: на длинном столе веранды, на подоконниках, на круглом столе под абажуром, на пианино. Книги, книги...

Домой я увезла треть чемодана книг. Теперь у меня своя полка с переделкинскими книгами, среди которых и подарки от товарищей по резиденции: поэта Павла Пономарева из

Лебедяни, юриста по авторскому праву и писателю из Петербурга Натальи Левених и диск с песнями от артиста, режиссера, сценариста из Петербурга Евгения Серзина.

«Пеналы» для резидентов

Родными пеналами отголоском родным пенатам назвал узкие длинные комнаты Дома творчества Арсений Тарковский. В бытность его пребывания там, писатели жили в Историческом корпусе. Он был построен в 1955 году по проекту архитектора Александра Васильевича Власова. Впечатляющее двухэтажное здание с колоннами и полукруглым балконом перед крыльцом парадного входа напоминает дворянскую усадьбу. А комнаты на втором этаже действительно словно пеналы (я заглянула внутрь!): вытянутые от окна к двери, они расположены по обе стороны длинного коридора. В каждой такой комнате помещалась кровать, письменный стол с пишущей машинкой, умывальник.

Любопытно, но пеналы ассоциируются у меня с так называемыми кельями в древнем храме на городище Гонур-депе в Туркменистане. Ему более четырех тысяч лет и в те далекие времена страна, которой принадлежал этот город, называлась Маргуш или позже — Маргиана. Предназначение тех келий доподлинно неизвестно. Археолог Виктор Иванович Сарианиди, который открыл Маргиану, относил их к части храма, тогда как некоторые археологи проводили аналогию со складами дворца царя Миноса на острове Крит. Читаю в интернете: «В античной (древнеримской) мифологии пенатами называли домашних духов, которые охраняли спо-

койствие семьи и обеспечивали достаток», и «Считается, что слово penates происходит от penus („кладовая“) — так называлось помещение для хранения запасов еды». Духи — храмы, кладовые — склады, родные пенаты и пеналы... кладовые мудрости, освещенные духом творчества.

Сейчас «пеналы» резидентов Дома творчества в Переделкине можно назвать апартаментами. Номер в гостинице Дома творчества приятно удивил. Прихожая, ванная комната, просторная спальня, она же кабинет, крепкая, добротная мебель времен семидесятых, уютный балкон. На полках шкафа книги из библиотеки и оставленные бывшими резидентами, рядом со шкафом письменный стол, ближе к окну кресло, торшер и шторы во все окна. К сожалению, окна приходилось все время закрывать — первый этаж. Я не люблю зашторенные окна. Они лишают иллюзии открытости мира, усиливают одиночество. Возможно, это одна из причин, по которой, пребывая в Переделкине, я все время «рвалась на волю» — гулять, общаться, впитывать красоту, получать новую информацию.

На первой же встрече руководители резиденцией попросили не переставлять в номере мебель. Видимо, были попытки. Но ведь да — переставить хотелось, например, письменный стол ближе к окну. Но, нельзя — так нельзя!

А в книгах бывших резидентов каждый из нас нашел записку-обращение к будущим резидентам. Приятный момент! Эдакая связь времен и народов.

Я получила послание от некоего (или некоей) Е.П.: «Дорогой резидент! Какое счастье, что ты ЗДЕСЬ! И можешь, писать, творить и мечтать. Пусть все складывается как тому должно быть для твоей капризной музыки. Уже сложилось! Believe me. Твори. Люби. Делай». Надо сказать, что я последовала совету и отдалась на волю «капризной музыки». Она не сразу проявила себя. Сначала приглядывалась к обстановке — не сильно понравилась, дома привычней; потом капризно дула губки — ну, не знаю, вдохновлять или не вдохновлять; днями осеняла — твори, твори! Но чаще призывала к созерцанию, наблюдениям, впитыванию информации и всего того, что впоследствии и послужило основой для переделкинских этюдов.

Бильярд

Мне дали номер в торце гостиничного здания, рядом с холлом, в котором стоял бильярдный стол. Своеобразие такого соседства я оценила вечером того же дня. Стук-стук, стук-стук — монотонно, ритмично и навязчиво, учитывая тишину, которая постоянно висит в номере. Благо есть две двери, отделяющие комнату от коридора и от шумов, в нем происходящих.

Но о бильярде. Направляясь к себе, каждый раз, шаг за шагом, я проходила по длинному коридору гостиницы, который привлекал внимание всевозможными дизайнерскими штучками, украшающими интерьер: будка с надписью «Эклеры» и записка на стекле: «Эклеров нет!»; старый радиоприемник с пластинками; диванчики, кресла, журнальные столики с последним выпуском газеты «Перерыв»; цветы в напольных горшках; под окнами стеллажи с книгами (верхняя полка как узбекский национальный лавх — подставка под Коран, и на нем раскрыты красочные книги с репродукциями: трудно удержаться, чтобы не остановиться и не полистать); инсталляция на окне в виде трех голов, вид которых соответствует фразам: «Крышу снесло», «Голова кругом», «Взрыв мозга». И в самом конце коридора он — бильярдный стол! Интерьер вокруг него как в средневековом замке или костеле: сложенная разнокалиберной китайской

ширмой торцевая стена; на ней витражи, между ними в виде окна, обрамленного деревянной рамой, ниша для шаров, под ней висит треугольник; слева узкие окна. А справа проход на лестницу и мой номер — 101. Сам стол освещен четырьмя яркими лампами в ряд в зеленых металлических абажурах и обтянут сукном цвета спелой бирюзы — массивный такой, добротный стол.

За редким исключением за столом как минимум один ярый любитель бильярда — невысокий, худощавый мужчина в кепке. Судя по тому, что он играл каждый день на протяжении всего моего пребывания в Доме творчества, а это двадцать дней, можно предположить, что он постоянно живет в Доме творчества, возможно, работает здесь и занимает как минимум должность прораба (иначе, откуда столько времени на бильярд?..). На диванчике рядом — чехол от кия (личный инструмент!). И... стук, стук по шарам, стук, стук. Чарующие звуки! Но как же мы зависим от обстоятельств и информации! Мое отношение к «музыке шаров» кардинально изменилось, когда я узнала, что за этим бильярдным столом когда-то играл Владимир Семенович Высоцкий (в ту пору стол стоял в Стеклянном корпусе).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.